

К. Н. Родина

Науч. рук. – В. С. Новак, д-р филол. наук, профессор

**ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БЕЛОРУСОВ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГЕ,
ПРИРОДНЫХ СТИХИЯХ И ЧЕЛОВЕКЕ**

В данной статье исследуются особенности традиционного мировоззрения белорусов на основе аутентичных фольклорно-мифологических материалов, записанных в полевых экспедициях и представленных в сборнике “Міфалагічныя ўяўленні беларусаў” (2010). Автор концентрирует внимание на рассмотрении народных верований, связанных с Богом, природными стихиями, человеком.

Исследование народной духовной культуры белорусов позволяет реконструировать архаичную модель мира, для осмысления которой важны представления о Боге, природных стихиях, человеке. Традиционное мировоззрение белорусов демонстрирует уникальный синтез христианской догматики и народных верований.

Прежде чем перейти к анализу полевых материалов, необходимо определить семантические границы понятия «Бог», который является одним «из персонажей славянского дохристианского пантеона, в книжно-церковной традиции верховная сущность, наделённая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом. Творец неба и земли, начало вековое, духовное и бестелесное» [1, с. 48]. Следует отметить, что в народной духовной культуре этот образ претерпевает значительную трансформацию: Бог выступает не столько абстрактным абсолют, сколько активным участником повседневной жизни человека.

Важно подчеркнуть, что в белорусских космогонических преданиях Бог-Творец («Бог» как верховное божество) практически не отличается от аналогичных представлений о Боге у балтских народов (литовский Dievas, латышский Dievs, прусский Deīws Okorīrms). Вышесказанное позволяет «считать, что этот пласт мифологии сохранился у белорусов от их от балтских предков» [1, с. 49]. В контексте народных верований образ Бога оказывается синкретичным: он соединяет в себе черты христианского Создателя и архаичного демиурга, близкого к «пассивному» балтскому Dievas, который, создав мир и людей, «обычно он пассивный и не вмешивается в события» [1, с. 48].

Анализ фактического материала, записанного о Боге в полевых экспедициях и представленного в сборнике «Міфалагічныя ўяўленні

беларусаў» (2010), позволяет конкретизировать и дополнить общую картину мировоззрения белорусов.

Во-первых, в народном сознании Бог – не абстрактная идея, а активное существо, которое одновременно и творит мир, и управляет им. В этом плане является характерной запись из г. п. Октябрьский Гомельской области: «Бог сатварыў і нас, і увесь свет, і саму зямлю. Усіх ён бача, пра ўсіх усё знае. Знае, якая жызнь у чалавека будзе, калі памрэ, гэта ён сам рашае» (записано от Хурсевич Татьяны Ивановны, 1924 г. р.) [2, с. 292].

Во-вторых, Бог мыслится милосердным и всепрощающим, что коррелирует с выделенной нами доминантой «памяркоўнасці»: «Ён любіць усіх – і харошых, і плахіх. Калі плахі чалавек папросе прашчэнне, пайме, што зделаў плоха, Бог яго прашчае» (г. п. Октябрьский) [2, с. 292]. Здесь же, исходя из воспоминаний жителей, фиксируется представление о посмертном воздаянии: «Праведных людзей, калі паміраюць, забірае да сябе, у рай. Бог сам рэшае, куды каго адпраўляць: каго – у рай, а каго – у ад» (г. п. Октябрьский) [2, с. 292].

Интересно, что, в отличие от «пассивного» балтского Dievas, белорусский народный Бог активно взаимодействует с человеком, наказывает за неправильное поведение и даже вступает в диалог. Показательна притча, записанная в д. Широкое Буда-Кошелёвского района: Бог предлагает отдохнуть мужчине и женщине; мужчина соглашается, а женщина отказывается, ссылаясь на занятость. Наказание Бога носит сугубо «бытовой» характер: «Раз так, дык бегаць табе ўсё жыццё, спяшаючыся, ды без адпачынку» (записано от Титовой Надежды Васильевны, 1939 г. р., и Марченко Марии Фёдоровны, 1930 г. р.) [2, с. 293].

В-третьих, вера в Бога осознается информантами как опора в трудных жизненных ситуациях и как этический императив: «Ці веру я ў Бога? Веру. Чым болей гадоў, тым болей прычын верыць. Бо сколькі ўсяго здараецца, адзін Бог памагае. З Богам дапамога заўсёды прыходзіць. Толькі верай чалавек і трымаецца ў самыя цяжкія хвіліны» (записано в г. Гомель от Лашкиной Яны Игнатьевны, 1927 г. р.) [2, с. 293].

Одновременно с этим Бог определяется как метафизическая абсолютная сущность: «Бог – эта самае высокае сушчэство, катораму ўсе пакланяюцца і верат. Ён міласэрны, вечны. Не імае ні пачала, ні канца свайго быцця. Всегда ён быў, ёсць і будзе» (записано в д. Уборок Лоевского района от Бернацкой Валентины Николаевны, 1953 г. р.) [2, с. 295].

Записанные сведения о Боге подчеркивают ритуальную сторону его почитания, связывая веру с конкретными действиями, что перекликается с тезисом о «календарном типе» ментальности и строгой

регламентации жизни: «Яго сіла самая мощная. Пасля яды і перад едою трэба прачытаць малітву Богу. Я дык заўсягда так раблю і веру ў Бога, у яго святую сілу» (записано в д. Первомайск Речицкого района от Журо Зинаиды Павловны, 1930 г. р.) [2, с. 296].

Приведённый фактический материал, связанный с народными верованиями подтверждает мысль о том, что категория Бога в картине мира белорусов не является абстрактно-теологической, а включена в ту же самую систему «философии жизни», где действуют принципы «памяркоўнасці», взаимности, ритуальной чистоты и личной ответственности. Бог здесь – не только Творец («стварыў і нас, і ўвесь свет, і саму зямлю» [2, с. 292]), но и гарант справедливости, карающий за непочтительность к земле (плевок, удары по земле), и милующий кающихся, что органично дополняет иерархию сакральных сил в белорусской народной культуре.

Восприятие мира и природы белорусами неразрывно связано с пантеистическими и анимистическими представлениями. Земля в народном мировоззрении занимает исключительное положение. Она воспринимается как живое существо, наделённое женским началом и способностью к плодородию. Участники многих полевых фольклорно-этнографических экспедиций (преподаватели и студенты ГГУ имени Франциска Скорины) фиксировали сведения информантов, отражающих их устойчивое убеждение в том, что земля обладает душой и требует к себе особого ритуального отношения. Доказательством являются фольклорные материалы, записанные на территории Гомельщины, в которых утверждается, что «зямля – гэта наша карміцелька. Без зямлі нам было б вельмі цяжка жыць на белым свеце» (записано в п. Большевик Гомельского р-на от Логвиновой Марии Николаевны, 1924 г. р.) [2, с. 328]. Аналогичная запись сделана в г. Гомель: «Зямля – маці наша родная. Не трэба на зямлю кідаць, трэба пакланяцца ей, каб кожны год у нас быў вельмі добры ўраджай» (записано от Кацубо Нины Павловны, 1950 г. р.) [2, с. 328].

Святость земли накладывает на человека строгие обязательства. В связи с этим неслучайными были категорические запреты действий, например, запрет на удары по земле. Бить землю считается тяжким грехом, так как она – мать-кормилица. Единственное исключение допускается в крайнем случае при рытье могилы, когда земля промёрзла. «Грэх вялікі зямлю біць. Яна ж наша карміліца. З яе мы ўсе жывём, кормімся. Толькі ў крайнім выпадку дазваляецца біць зямлю колам, калі яна мёрзлая і трэба капаць яму, каб пахаваць нябожчыка» (записано в д. Ведрич Речицкого р-на от Елисеевой Анны Никифоровны, 1939 г. р.) [2, с. 329].

Что касается запрета на осквернение земли, то категорически запрещено плевать на землю. Считается, что «Бог пакарае» за такое

неуважение. Плевок на землю воспринимается как личное оскорбление стихии, которая может ответить неурожаем или болезнями в семье: «На зямлю нельга пляваць, бо адплаціць яна тады тым самым і ў сям'і не будзе хлеба» (записано в д. Кистени Рогачёвского р-на от Костюченко Т. Н., 1970 г. р.) [2, с. 329].

Анализ полевых материалов позволяет существенно дополнить представление о том, как белорусская народная традиция осмысляет переход человека из природного («докультурного») состояния в состояние нравственно-ответственное. Если ранее мы отмечали, что антропологический аспект мировоззрения характеризуется доминантой «памяркоўнасці» (рассудительности, умеренности) и что человек в этой картине мира не противостоит природе, а вписан в её циклы, то в представленном ниже тексте фиксируется момент появления стыда как границы между природным и человеческим. В записи из д. Великий Бор Хойникского района зафиксирован архаичный вариант сюжета мифологического рассказа о грехопадении, который существенно отличается от канонического библейского повествования. Информант А. В. Хорошко (1930 г. р.) рассказывает: «Жылі етыя Ева і Адам і было ў іх усё. І жылі яны шчасліва. Яны не баяліся стыду і хадзілі голыя. І вось нейкая вядзьмарка паднесла ім яблык з запрашчонага дзерава. Ева з'ела яблыка і адразу яна пазнала стыд і сумленне. А Адам, калі пачаў есці яблыка, то ён не змог яго праглынуць. І таксама пазнаў увесь стыд» [2, с. 331]. Приведённый фрагмент содержит несколько значимых моментов, раскрывающих особенности мировоззрения белорусов.

Во-первых, образ искусителя здесь не змей, как в библейской традиции, а «нейкая вядзьмарка». Этот персонаж принадлежит к низшей мифологии белорусов, что вписывает сюжет не столько в теологическую, сколько в народно-мифологическую парадигму. Запретное дерево (яблоко с «забароненага дрэва») выступает как медиатор между миром природной гармонии и миром нравственной рефлексии.

Во-вторых, в тексте принципиально различаются стыд мужчины и стыд женщины. Ева съедает яблоко полностью и тотчас обретает «стыд і сумленне». Адам же не может проглотить яблоко («не змог яго праглынуць») – этот мотив физиологической невозможности символически указывает на мужское начало, которое сопротивляется полному включению в новое моральное состояние. Тем не менее, результат оказывается тем же: «пазнаў увесь стыд».

В-третьих, важно, что стыд и совесть в этой версии предстают не как наказание за непослушание (как в книжной традиции), а как последствие вкушения, то есть как новое качество, которое приобретает человек, выходя из первоначального «бесстыдного» состояния. Первоначальное состояние описывается положительно: «жылі шчасліва», «не баяліся стыду». Таким образом, стыд здесь выступает не

как кара (наказание), а неизбежный атрибут человеческого (в отличие от природного) бытия, условие социальности и нравственности.

Этот сюжет укладывается в общую белорусскую мифопоэтическую модель, где знание (в данном случае - знание стыда) добывается через нарушение запрета, но это нарушение не ведёт к катастрофическому разрыву с Богом, а скорее «оформляет» человека как моральное существо. В контексте проведённого анализа важно подчеркнуть, что народная версия грехопадения дедраматизирует божественную кару и акцентирует инициальную функцию стыда – он не проклятие, а необходимый элемент взросления человека.

Стыд и совесть в белорусской народной интерпретации – это не травмирующее наказание, а умеренный, «человечный» регулятор поведения, который отличает человека от безгрешного, но «безответственного» природного состояния. Примечательно, что сам Бог в этом фрагменте не упоминается как карающая инстанция – его функцию берёт на себя сам акт вкушения. Это характерный пример синкретизма христианской и дохристианской этики в мировоззрении белорусов.

Таким образом, народная философия, зафиксированная в фольклоре и мифологии, демонстрирует поразительную стройность, не будучи при этом эксплицированной в виде логических трактатов. Это «философия жизни», когда знания о мире передаются через призму народных верований, ритуалов, запретов, символических образов.

Список литературы

1 Мифалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – 607 с.

2 Мифалагічныя ўяўленні беларусаў / уклад. В. С. Новак. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – 538 с.